

Заключенный

ФАНТАСТИКА

Мужчина сделал шаг в мою сторону.

— Простите... — Он отвел взгляд и стал глядеть себе под ноги. Пальцы принялись тереть пуговицу старенького плаща. — Вы не могли бы мне помочь?

— Если смогу, то конечно, — ответил я, остановившись.

— Извините... — Он явно не знал, как лучше сформулировать свою просьбу. — Я... э, немного запутался, заплутал. — В его речи прорезался южный акцент. — Вот... — коротко продолжил он и смущенно замолчал.

— Вам какой номер дома нужен? — спросил я, но мужчина вздохнул и покачал головой:

— Нет. Мне бы выйти к метро.

Я пожал плечами:

— Нет ничего проще. Сам туда направляюсь. Идите за мной, если угодно.

— Конечно. Спасибо.

— Тогда нам туда. — И я махнул рукой вдоль бесконечной вереницы черемушкинских пятиэтажек.

Мужчина кивнул, хотел что-то сказать, но не решился и послушно зашагал следом, точно выведенный на прогулку ребенок.

— Да, я совсем забыл представиться, — неожиданно произнес он. — Нехорошо как-то. Меня зовут Нодар.

Я опять пожал плечами, но — что делать! — назвал свое имя.

Потом он спросил каким-то бесцветным голосом:

— А вы хорошо знаете этот район?

— Я здесь родился и прожил первые пятнадцать лет жизни. Ну а дальше, волею обстоятельств, переехал.

Нодар (кажется, так он назвал себя?) вдруг резко остановился, вынуждая меня сделать то же.

— И далеко? — спросил он. — Куда переехали?

— Загнали меня в Строгино. Да, далекоовато. Неудобно стало добираться.

— Значит, вы один живете, — неожиданно утвердил он.

— Как перст.

— И значит, хорошо знаете Москву?

— В общем-то нет. Ту часть, где живу или работаю, — да, хорошо, а больше почти нигде и не бываю. — Странно, я произнес это довольно резко, сам не понимая, на что злюсь, и зашагал вперед. — Город слишком большой, сами знаете.

Нодар согласно кивнул и поспешил за мной. Догнал и пошел рядом. Через полминуты, верно, он, как показалось, снова хотел о чем-то спросить, но тут вскрикнул и резко остановился. По инерции я сделал еще пару шагов, затем резко обернулся. Он стоял, раскинув руки, точно пытался охватить что-то огромное, видимое только ему одному. Тело его откинулось назад, и было непостижимо, как он умудряется сохранять равновесие в такой неестественной позе. Лицо сморщилось, скривилось. Секунда, и он инстинктивно отступил на полшага — скорее из-за боязни

упасть. Пальцы как-то странно теребили воздух, а руки делали не менее странные движения, словно пытаюсь найти нечто, ускользавшее от взгляда.

Этот дурацкий аттракцион длился уже секунд десять. Наконец я открыл рот, чтобы спросить своего попутчика, в чем дело, но тут он отступил еще на шаг, а затем пригнулся и, выставив вперед левое плечо, резко поддался вперед. Точнее, бросился. На лице — выражение отчаяния и вместе с тем безысходной решимости.

Бросился — и будто наткнулся на невидимую стену. Наткнулся — и медленно осел на сухую траву.

— Всё, — прошептал, закрыв лицо рукавом помятого плаща. — Ну разумеется, всё.

Я поспешил подать ему руку, но он поднялся сам. И печально произнес, отмахнувшись от меня:

— Не могу.

— Чего не можете? Вам плохо?

— Разумеется, как же еще! Я не могу выйти из этого места... из этого микрорайона. Как стена какая!.. Вот, смотрите. — И тут он приподнял руку, а затем с размаху шлепнул ладонью. Ладонью по воздуху!

Наверное, я оказался единственным человеком на планете, кому довелось постичь в реальности, а не из китайской притчи, что означает хлопок одной рукой. То есть увидеть сей процесс в действии. Звук был такой, будто ударили по мягкой обивке дивана.

Я... ну что я? Нодар и я — мы как бы оказались разделены некой преградой, потому что его рука неожиданно замерла на полпути между нами. Подушечки пальцев сплюснулись, точно вжатые в стекло. Я помахал рукой перед ними, его пальцами. Никакого сопротивления. То есть никакой преграды. Тогда я сделал шаг к нему, Нодару, и, сделав этот шаг, оказался рядом с ним. Уже там, рядом с ним, пошарил рукой по воздуху, пытаюсь обнаружить это «нечто». И опять ничего. Всё как всегда — никакой мистики. Если не считать того, что я только что увидел собственными глазами. Так и сказал:

— Непонятно! Я просто не в силах поверить.

— А я?! — измученно вскрикнул он и устало прислонился лбом к невидимому барьеру, стоявшему у него на пути.

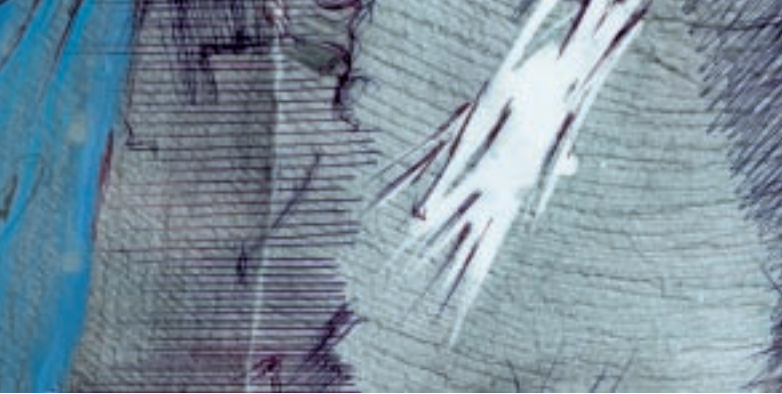
Находиться в таком положении человек явно не может: Нодар должен был бы упасть, но тем не менее по-прежнему оставался в вертикальной положении.

— Бред какой-то, — пробормотал я, не в силах отвести взгляд от этого странного человека. — Абсурд.

— Вот именно, — подтвердил он с иронией. — Между тем я второй день здесь кантуюсь.

— Второй день?

— Да. Никак не могу выйти из этого проклятого района. Стена, барьер... не знаю, как назвать, — оно всюду стоит, я вчера всё тут обходил, проверял, не кончается ли оно, нет ли прохода.

Сказанное просто не укладывалось в моей голове. Действительно бред. И ведь не пьян он, этот южанин, и на сумасшедшего никак не тянет!

— И как же вы перекапывались до сегодняшнего утра? Он пожал плечами:

— Почти как на вокзале. В конце концов, мне не привыкать: до того, как тут, в Москве, я женился и завел семью, полжизни провел в дороге, всю страну исколесил. Значит, просто устроился на чердаке вон той «хрущобки». Там более или менее тепло и не дует. Хорошо еще, что замка на входной двери не оказалось. И бомжей, — после паузы добавил он и поежился. — Что-то холодает сегодня.

— Да, вчера было значительно теплее. Октябрь все-таки, вот и на завтра обещают замо... — Я не договорил и пристально посмотрел на этого человека, так сказать, южных кровей, представив, каково ему будет тут дальше. — А вы подкапываться не пробовали? — спросил сочувственно. — Или в высоту?

— И то и другое бесполезно. Я даже спускался в люк под землю, но и там уперся в барьер через десяток метров. Да, и на дерево залезть пробовал — разумеется, когда достаточно стемнело... В общем, все испробовал. Бесполезно! — Он помолчал и тихо добавил: — Знаете, если вы никуда не спешите, то пойдёмте в тепло. А то я начинаю замерзать.

Вслед за Нодаром я прошел в один из подъездов той пятиэтажки, чердак которой он использовал для отдыха и ночлега. Мы поднялись на пролет между этажами и устроились на подоконнике.

— Обидно еще и то, — начал Нодар, — что здесь ни один таксофон не работает, а у местных... как это у вас говорится? — зимой снега не допросишься.

— Вы хотели позвонить жене?

Он кивнул и замолк, и потому я продолжил:

— Может быть, мне попробовать позвонить?

Вздвогнув, он искоса глянул на меня. Потом снова устался в пол, еще больше ссутулился, как-то весь обмяк; его помятый темный плащ стал будто на несколько размеров больше.

— Вы первый, кто тут заинтересовался моей персоной, — услышал я его глухой голос. — Остальные или спешили удалиться, или...

Я ожидал продолжения, но такового не последовало. Пауза слишком затянулась, и мне это надоело:

— Так что, позвонить вам домой? Давайте номер.

— Нет, подождите! — тут же ответил он резко. — Лучше я сам как-нибудь. Нина, она может... как бы это сказать? Словом, она может вас неправильно понять. Например, подумает, что я тут с кем-то, понимаете?

— А вы сами ей сможете объяснить?

Видимо, мой вопрос задел его за живое.

— Это уже мои проблемы! — вновь резко произнес он, потом замолчал, но вскоре опять заговорил, теперь уже тихо: — Постараюсь... У нас же дети. Девочка и мальчик,

еще маленькие, шести и четырех лет. Знаете, дети в таком возрасте все быстро забывают, меньше чувствительны к подобным драмам... Да, наверное, так оно и лучше.

Я не понял:

— Вы о чем?

— О чем? — Нодар горько усмехнулся. — Нина подумает, что я ушел к другой, вот чего я больше всего боюсь. Знаете ли, молодой человек... Хотя, зачем я вам это объясняю?

И вновь долгое молчание. Он провел пальцами по выщипанным волосам; местами в них уже пробивалась седина. Все так же глядя в пол и покачивая головой, он заговорил:

— Мне сорок семь. Немало, а точнее, много. А Нине только двадцать девять. И это... ну, то, о чем я хочу сказать, было очень давно, задолго до нашего с Ниной знакомства. И всё — сейчас ничего такого уже нет: слишком поздно. Да, все уже позади, это — далекое-далекое прошлое. — Он сменил позу и продолжил: — Нет, конечно, к чему отрицать: она, Лана... да, ее звать Ланой... она позвонила мне три дня назад. Сначала трубку взяла Нина, и Лана дала отбой. В другой раз к телефону подошел я; мы поговорили минут десять, и я понял, что говорить нам, собственно, не о чем. Кажется, она тоже это поняла; правда, зачем-то предложила встретиться как-нибудь на днях, но о свидании мы так и не договорились. А Нина, она, должно быть, догадалась, с кем я беседовал, и вот теперь может счесть мое исчезновение логичным завершением того самого телефонного разговора. Понимаете? Дело в том, что... какой-то у нас сейчас плохой период: ночи мы проводим порознь, я сторонюсь собственной супруги, с утра до вечера на работе. В выходные, если по магазинам, то я в один, а она в другой. — Нодар помолчал и затем продолжил другим тоном: — Ваша помощь в этом деле ни к чему. Думаю, будет лучше, если я сам во всем разберусь, а тем более если Нина поймет меня — то, что я хотел бы ей рассказать. И тогда мы сами сможем найти выход из создавшейся ситуации. Обязательно найдем, — повторил он как заклинание. А через некоторое время добавил: — Знаете, я совсем забыл вам рассказать. Вчера вечером я пытался дозвониться до дома, до Нины. Испробовал все таксофоны, пока не выяснил, что ни один не работает. Потом заходил в несколько квартир. Тут, кстати, не у всех телефоны, у некоторых — спаренные, и в одной из квартир я так и не дождался, когда линия освободится. Ах, да что же я все об этом? — Он махнул рукой, и его пальцы на излете этого жеста ударились о батарею.

— Так о чем вы хотели мне рассказать? — напомнил я ему.

Нодар растирал ушибленные пальцы и некоторое время молчал, глядя на двери квартир, расположенные ниже нас. Затем повернул ко мне голову:

— Простите, у вас закурить не найдется?

Я пошарил в карманах и вынул непечатую пачку «Ротманса». Подал южанину. Тот быстрыми, нервными движениями сорвал прозрачную обертку, открыл крышечку и, пошуршав фольгой, достал сигарету.

— Я хотел рассказать вам об одной случайной встрече. Да, вчера вечером... Так вот. Спать тут ложатся рано, часов в десять улицы пусты, редко кого встретишь. Кажется, в большинстве спальных районов так. Вот и... К тому моменту я уже до предела был измотан этим происшествием, а тут еще ночь на носу — в общем, путешествие среди пустынных улиц меня окончательно доконало. Поэтому и обрадовался, когда из подъезда, мимо которого я проходил, появился полноватый мужчина в летах с приятной наружностью. Не знаю, что на меня нашло, но я подошел к нему буквально как к родному брату, затеял беспредмет-

ный разговор, а затем выложил ему все, что тут со мной приключилось. Да, как будто что нашло! — Нодар покачал головой. Сигарета в его руке потухла, но на это он не обращал внимания.

— И что же мужчина? — напомнил я ему.

— А! В этом-то вся странность, — будто опомнился он и продолжил: — Когда я перешел к делу, то есть рассказал, что с самого утра не могу выбраться из этого микрорайона и уехать домой, точно непонятная сила меня тут держит, он, тот самый мужчина, как-то странно взглянул на меня, усмехнулся и попросил разрешения пройти, поскольку я загораживал ему дорогу. И тогда со мной случилась прямо-таки истерика или что-то в этом роде. Я кричал, в чем-то его обвинял — человека, которого впервые видел, — требовал, чтобы он меня отпустил домой. В конце концов я вцепился ему в ворот пальто и несколько раз основательно встряхнул... Черт знает, что я тогда испытывал... А тот мужчина, он спокойно, легко отстранился от меня и негромко сказал: «Значит, составишь компанию». И ушел. Преследовать его и выяснять смысл сказанного я был уже не в силах, постоял еще немного и отправился искать подходящее место для ночлега. И знаете, в тот вечер я так и не понял, что он имел в виду, — будто пропустил его фразу мимо ушей. Да, наверное, и хорошо, что пропустил.

— В квартале живет тысяча десять человек, — сказал я. — По самым скромным подсчетам. Поэтому...

Нодар поднял на меня удивленный взгляд. Посмотрев в его глаза, я замолчал.

— Я не подумал об этом, — тихо произнес он. — Но я знаю, где живет этот мужчина, знаю его дом и подъезд. Если покараулить...

— Да вы с ума сошли! Может, вам неделю ждать придется, может, больше. К тому времени от этого вашего барьера не останется и следа. Ведь столько времени прошло!

В ответ лишь легкое покачивание головы.

— Не понимаю. Вы что, хотите сказать, что барьер здесь давно? И надолго, так? — ошарашенно спросил я.

И помню, в этот миг подумал: как хорошо, что я не выезжаю по Москве. Только с работы и на работу, по выходным — в близлежащие магазины или на рынок. Иногда к соседям. Известные, тысячу раз проверенные маршруты. На них меня ничто не поджидает. Ничто, к счастью, не поджидает и здесь, в Черемушках. А ведь кто с уверенностью скажет, что, оказавшись в чужом районе города, вы попросту не рискуете не вернуться обратно?

— Очевидно, барьер существует тут не один год, — тихо продолжил Нодар. — Я думаю, тот мужчина просто вышел подышать свежим воздухом. Наверное, успел привыкнуть к своему положению, примирился с неудобствами, научился их не замечать. Потому и не обратил на мою истерику никакого внимания. Не я первый, не я последний.

— То есть он здесь... не один. Так?

— Скорее всего, да. Я полагаю, здесь нас, — он выделил слово «нас», — наберется, может, с пару десятков. Попадаем внутрь и всеми силами пытаемся выжить.

Он вновь замолчал. Молчал и я. За окном на большой скорости проехала машина, взвизгнула тормозами перед поворотом.

— Знаете, наверное, вам и в самом деле стоит поискать таких же, как и вы, — выразил я вслух то, о чем подумал.

— Заключенных?

— Пусть так. Может, они помогут вам с размещением, что-то посоветуют, поддержат деньгами.

— Я не хочу.

— Послушайте, сейчас середина октября, через месяц наступит зима. Я не думаю, что вам удастся пережить ее

ФАНТАСТИКА

на чердаке. А если опять будут тридцатиградусные морозы? В микрорайоне больше десятка магазинов, от продовольственных до контор по продаже оргтехники, «почтовый ящик», две или три школы, несколько детских садов, мастерских, служб быта. Можно устроиться без проблем, на работу я имею в виду. Вон, за окнами идет стройка. Купить квартиру...

— У меня нет таких денег.

— Или обменять. Вполне реально, уверяю вас.

— Вот раньше я действительно зарабатывал много. А теперь наше хозяйство содержит фактически одна жена, а мне еще и зарплату частенько задерживают.

— Чем вы занимаетесь?

— Литомониторингом.

— Это как-то связано с компьютерной техникой?

— Нет. Больше с экологией.

— Но вам в любом случае надо позвонить жене. Хотя бы для того, чтобы она сейчас не переживала, не обзванивала больницы и морги. Вы только ей сразу скажите о переезде, тогда она...

— О переезде?

— А где вы будете жить? По-прежнему на чердаке? Ведь те, кто попал сюда, поначалу тоже пытались вырваться, и не меньше вашего. А результат? Живут же! Короче говоря, есть выход.

— Это не выход.

— И что же тогда делать, по-вашему?

— Ничего! Я хочу вернуться домой, неужели не понятно?

— А я вам что предлагаю? Если гора не идет к Магомету... Повторяю: вы здесь непременно сможете устроиться на работу. Ну и с жильем что-нибудь придумаете. Снимете или обмен опять же.

— А Нина? Что, если и она застрянет тут? Вы об этом подумали?

— Ну а она-то почему? Она тоже здесь работу найдет, не сомневайтесь. Возможностей для этого предостаточно.

— Прекратите немедленно! — вдруг произнес он твердо. И добавил: — Надо попробовать вернуться домой.

Я понял: это какой-то замкнутый круг. Тем более когда вскоре услышал следующее:

— Сперва надо понять все это. Понять! Этот механизм. Что это такое, что? А значит, надо встретиться с тем самым мужчиной. Просто спросить его: надеется ли он?

— На что надеется? — решил уточнить я.

— Да на что угодно. Скажем, на искупление грехов.

Теперь уже мое собственное недоумение оказалось причиной очередной паузы в нашем явно ненормальном разговоре, простиравшемся октябрьским вечером на подоконнике между этажами черемушкинской «хрущобки».

Да, именно: по моему недоуменному лицу Нодар догадался, что ход его мыслей мне непонятен, и поспешил пояснить:

— Ну скажите на милость, почему я оказался здесь запертым, изолированным? Как, за что, по какой причине?

Ведь должна же быть причина! Да, должна — всё объясняющая, всё ставящая на свои места, подо всем подводная черта, не так ли?

— Да? Я как-то не подумал, — вышло у меня растерянно.

— Причина быть просто обязана. Вы это прекрасно знаете, ибо и вам, и мне эту истину вдалбливали с детства: ничто просто так не делается, всему есть основание. Короле говоря, причина и следствие. И тогда на все найдется ответ. Это аксиома нашего земного существования. Так? Так... Вот этими умственными поисками я и занимался здесь сегодня с самого утра. Сидел на чердаке и сопоставлял.

— И что... э, сопоставилось?

— Итак, — продолжил Нодар, — выяснилось, что я — такой — здесь не один. Значит, согласитесь, я совершил нечто против определенных правил. Правил, конечно, не этого микрорайона или всего города, а против каких-то общих, но неизвестных мне норм. Или напротив, очевидных всякому? И, как следствие, попал в ту категорию людей, что собраны здесь волею судеб... или, не знаю, некой высшей волей. Мистика? Да и нет. Какая мистика, если статистика? — Он горько усмехнулся и сказал уже резко: — Значит, пока я не пойму, почему и за что... понимаете — почему и за что — я едва ли смогу отсюда выбраться. А чтобы понять это, мне необходимо найти того человека и еще раз встать у него на пути — чтобы он выслушал меня, понял и дал ответ. Он совершил какой-то грех... ведь я тоже грешен.

— Грешен всякий человек, — заметил я, как мне показалось, вполне резонно. — Никто не составляет исключения. Поэтому ваш довод...

— Ах! — чисто по-кавказски вскинул руку Нодар и резко развернулся ко мне. — Я говорю сейчас о Нине. Может быть, за это, за мою поездку сюда, нам полагается разлука, как епитимья или... Нет, так всё, что угодно, можно считать. Хотя бы и то, что я приезжий, как теперь принято говорить, лицо кавказской национальности.

— Господи, о чем вы? — вырвалось у меня. — Опять же бред! Что, именно против вашего присутствия взбунтовался этот микрорайон?.. А кстати, откуда вы родом?

— Издалека. Из Шуахили. Это в Аджарии. Маленький городок на трассе между Батуми и Гюмри. Да и в Москве я теперь живу совсем не близко от этого чертова района, в Измайлове. Что же заставило меня поехать сюда? Может быть, предчувствие неизбежного?

— Чего — неизбежного? — опять не понял я. — И почему обязательно грех? Почему должна быть одна-единственная, все объясняющая причина? Почему бы не быть некоему феномену... ну, чему-то нам еще не понятному, и только в этом, как вы сказали, чертовом микрорайоне Москвы? Да, кстати, а вы здесь раньше бывали?

— Послушайте, вы сами не верите в то, что говорите! — устало произнес Нодар.

— Я не верю в грех. Какой бы то ни было: прелюбодеяние, нарушение территориального табу, осквернение суб-

боты. По мне, все это не более чем религиозный мистицизм. Я лишь выдвинул версию, согласен, глупую, но я же и не настаиваю на ней.

— Конечно, поскольку она вас напрямую не касается, — прослышалось явно ироничное.

Тут уж во мне шевельнулась ирония:

— Вам стоило бы поискать реальный выход из ситуации, а не травить себе душу теософией. А то у вас Бог какой-то странный — совсем языческий бог, жестокий и необычайно скорый на расправу.

Нодар поднял голову. Странный блеск мелькнул в его глазах, мелькнул и тотчас исчез.

— Может быть, это испытание? — едва слышно произнес он. — Испытание расставанием... Ведь как логично получается! Вчера, то есть позавчера уже, мне звонит Лана, а на следующий день мне почему-то приспичило отправиться сюда — сюда, в Черемушки, где когда-то впервые после стольких лет я вновь столкнулся с ней. Мистика? — Тут он пробормotal несколько фраз, из которых мне удалось разобрать последнюю: — И теперь придется доказывать и еще раз доказывать то, что прежде называлось верностью.

— И в эту версию вы верите? — спросил я, усмехнувшись, но, кажется, моей усмешки Нодар не заметил и лишь кивнул. Этот его кивок был столь убедителен, что я не нашелся, чем возразить. Посмотрел на часы. Он заметил мое движение и поинтересовался, сколько времени.

— Полвосьмого, — ответил я и добавил как бы в оправдание: — Уже темнеет.

— Значит, вы уходите, — произнес он, помрачнев. — Значит, вы мне не поверили.

И тут я не выдержал:

— Конечно, не поверил! Это же форменное сумасшествие, всё, что вы мне наговорили. Бред да и только! Я понимаю, вам сейчас нелегко, вы попали в серьезную переделку... действительно что-то необъяснимое. Но это же не повод опускаться до... такого! Надо искать, как вы предлагали сами, тех, кто тоже здесь застрял. Но уж не для того, чтобы стращать их своей внезапной религиозностью и призывать к покаянию. Ни один из них, я убежден, услышав вас, не разорвет на себе рубахи, и не воскликнет: «Грешен, mea culpa!» Или, Или! Лама савахфани?»! Вы получите в ответ то же, что и в прошлый раз. И изгоем проживете оставшийся век, без семьи, без друзей, без крыши над головой.

И тут, уже явно не вникая в мои слова, он вскрикнул — вернее, буквально выбросил из себя то имя, которое, судя по всему, не давало ему покоя все эти два дня:

— Лана! — И опять: — Лана!

В наступившем затем молчании стало слышно, как едва гудит лампа дневного света пролетом ниже. Я ожидал, что после этого выкрика Нодара двери квартир распахнутся, на лестницу выскочат разгневанные жильцы и потребуют, чтобы мы немедленно ушли. Странно: ничего не произошло. Только лампа по-прежнему тихо гудела пролетом ниже.

— Это Лана, — вдруг быстро заговорил Нодар. — Лана, она, Лана Броладзе, я уверен в этом! Почему же я сразу не понял?

Он умолк (к этим его внезапным паузам после эмоциональных всплесков я, кажется, уже привык), но вскоре продолжил:

— Мы знакомы давно, с той поры, когда еще учились в Тбилисском университете. Вместе учились, да, по одной

* Мой грех! (лат.)

** Боже, Боже! Для чего Ты меня оставил? (иврит; Матф., 27, 46)

специальности — геологическая съемка, поиск и разведка. Вместе учились, вместе сдавали экзамены, затем, получив дипломы, вместе уехали в поле. Ах, поле! Палатки, песни под гитару у костра. Всегда вместе...

Опять пауза.

— А потом? — осторожно спросил я.

Он усмехнулся:

— «Потом» не было! Прошло не так много времени, и романтика кончилась. Куда-то все утекло, испарилось. Наше последнее свидание было просто омерзительным: взаимные упреки, оскорбления, больше ничего. В общем, мы поклялись никогда более не встречаться. И не сдержали этого обещания. Прошло два года, я уже переехал в Москву, на новое место работы. Очень удачное, кстати. Появились деньги. Снял неплохую квартиру, затем купил машину, «Жигули». И в это время снова встретил Лану. Здесь, в этом микрорайоне. Слышите, именно здесь!

— Она тут жила?

— Мне так и не удалось это узнать. Она старалась поменьше говорить о себе и побольше спрашивать меня. Но все-таки кое-что вытянуть мне удалось. С прежней ее работой, там, в Грузии, было покончено раз и навсегда: Лана подпала под реорганизацию, лишилась места и тогда решила искать работу в Москве. Приехала сюда, и вот, как в сказке, через месяц или два столкнулась со мной... Да, ту ночь она согласилась провести у меня, а утром сказала, что готова остаться. Сказала, что слишком долго искала меня, чтобы потерять во второй раз.

— А Нина? — тихо спросил я.

В тот момент мне показалось, что я запутался. Лана, Нина... К тому же — вечер, да еще не дома, а в другом районе, а точнее, в малоуютном подъезде чужого дома. Какой-то опять же чужой человек, излагающий нечто неправдоподобное. В общем, я почувствовал, что чертовски устал. А ведь еще надо было добираться на другой конец Москвы.

Все так, но одновременно с этим я чувствовал скорую развязку. Ведь не сумасшедший же он, этот кавказец Нодар, я как-то поверил — нет!

— Так что Нина? — повторил я.

Но он продолжал свое:

— С Ланой мы снова расстались. История повторилась, вплоть до такой же заключительной сцены, что и в прошлый раз. Лана исчезла. И вспомнила обо мне лишь по прошествии еще десяти лет, только позавчера. За это время я успел здесь, в Москве, сменить место жительства, познакомиться с Ниной, жениться на ней, порадоваться рождению наших детей.

— А кстати, Лана знает, что у вас есть дети?

— Э... она не спрашивала, но, думаю, догадывалась. Женщина, она всегда о таком догадывается, тем более кавказская женщина... И все же предложила мне встретиться. Я что-то промямлил в ответ — в общем, мы так и не договорились. А на следующий день, то есть вчера, сам поехал сюда, на предполагаемое свидание. Почему именно сюда, не знаю. Может, потому, что Лана не любит менять места наших встреч, а в Москве мы встречались лишь здесь, на моей прежней квартире... И кажется, она по-прежнему верит в то, что мы созданы друг для друга. Или были созданы, — сказал он после паузы.

Пауза в очередной раз затянулась, но у меня уже не было сил прерывать ее. Я сидел на подоконнике и слушал.

— Лана верит, что каждый человек создан для кого-то другого, вполне конкретного, — вскоре продолжил Нодар. — Да, как в той притче про грушевое дерево, помните? Но разве можно так просто поверить в самую возможность найти свою

ФАНТАСТИКА

половину среди миллиардов людей? Даже поверив в любовь с первого взгляда, волей-неволей понимаешь: и десятка жизней не хватит, чтобы найти того, одного-единственного. Найти и не ошибиться при этом. Вот в чем дело! Не спутать собственного зова плоти с шепотом другой души, души, прежде бесконечно далекой, а ныне становящейся частью тебя самого. Поди отдели одно от другого — отдели, но и соедини: чтобы и плоть брала, и душа принимала — будто сам с собой, или она сама с собой — какая разница! В общем, чтобы невозможно было отделить одного от другого. Чтобы то, что прежде считалось освященным небом, не оказывалось банальным брачным контрактом, срок действия которого пусть порой вся жизнь. И она, Лана, в это верит. И потому не отпускает меня. О Господи, — тихо вздохнул он. — Вот что я теперь понял, — спокойно продолжил Нодар — спокойно, медленно, точно цитируя отрывок из некоей книги. — Есть такие места на земле, где человек может встретить свою судьбу. Осколками утерянного рая зовут их люди. Только они, люди, называющие эти места именно так, не знают или не понимают, что ожидание встречи порой может затянуться: ведь на небесах время не меряют днями, а сама встреча может оказаться непереносимой. Потому как годы безвозвратно ушли, и прошлое скрылось за поворотом, унося с собой и надежды, и страхи, и чувства. Всё прошло, всё. И человек — что ж делать! — утрачивает веру в чудо. Какое там чудо, если тебе под пятьдесят и если ты еще трезв!.. Э, вы меня еще слышите? — вдруг спросил он, усмехнувшись.

— Слышу, — спокойно ответил я. — Вернее, слушаю.

— Так вот, — кивнул Нодар, — если по каким-то причинам люди... ну, конкретно мужчина и женщина будут вынуждены покинуть этот свой осколок рая, то, конечно, они постараются взять с собой все то, что соединяло их прежде, но слишком часто случается, что им этого не удастся. Вот и я, чтобы не вспоминать об утерянном, стал лепить свой осколок, как мог и умел, стараясь не оглядываться назад... А она, Лана, по-прежнему верит и надеется. По прошествии стольких лет. И потому, только потому снова и снова находит меня. И продолжает надеяться, даже когда эти ее надежды обратились в дым. Но не отпускает.

Что мне оставалось? Только вот это:

— Может, вам надо встретиться с ней? Дождаться ее.

Он лишь повел плечами:

— Но что я ей скажу? Что? Слова бессильны перед ней...

Ну, разве попросить ее об одной, последней услуге?

— Какой?

— Помочь покинуть. Покинуть осколок рая. И постараться вернуться. Каждому в свой мир. К миру в себе.

